

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ. О Великой Отечественной написаны миллионы книг, но тема войны и сегодня остается злободневной. В частности, разоблачения десятилетней давности поколебали в мнении народном иконостас официально утвержденных героев.

Но не будем говорить о сплетнях.

Важно другое: гласность по-новому осветила и осветила многие лица.

Мать Зои и Шуры Космодемьянских, когда писала свои знаменитые мемуары, не имела возможности сказать, что их отец не просто ушел из семьи, а был репрессирован. Оказывается, Лиза Чайкина — дочь кулака, «Молодая гвардия» погибла вовсе не так, как рассказывал в скороспелом романе Александр Фадеев. Подвиг Николая Гастелло никогда не вызывал сомнений.

В немалой степени потому, что не один десяток лет у легендарного экипажа есть персональный защитник — Виктор Гастелло. Знаменитый писатель, человек нелегкой судьбы, сам достойный особого рассказа. Он своей жизнью воплотил в реальность песенный девиз: должен сын героем стать, если отец герой. Мы публикуем очерк, написанный Виктором ГАСТЕЛЛО специально для «КВ».

ЭКИПАЖ УХОДИТ В ЛЕГЕНДУ

Это произошло ровно шестьдесят лет назад. В первый же день войны два авиаполка — 207-й и 96-й, которые располагались на одном аэродроме Боровское, что под Смоленском, уже бомбили движущуюся лавину немецкой бронетехники. К сожалению, 96-й авиаполк потерял 12 самолетов; 207-й произвел точное бомбометание по вражеским мотомехколоннам в районе приграничного поселка Лептуны и без потерь вернулся на аэродром базирования. В его составе принимал участие и командир 4-й эскадрильи капитан Николай Францевич Гастелло.

На второй день войны 207-й полк в вылетах не участвовал. Было дано указание на всех самолетах полка (бомбардировщиках ДБ-3ф) поставить нижние люковые кинжальные установки для четвертого члена экипажа. Таким образом, самолет займет оборонительное оружие не только сверху, но и снизу. Вместо скорострельных, но обычных ШКАС установили мощные крупнокалиберные пулеметы.

Раннее утро третьего дня войны началось необычно. Неожиданно темный силуэт странного самолета появился на малой высоте из-за леса. На большой скорости и на предельно малой высоте он скользил к аэродрому.

— Мама, посмотри, какой самолет, — крикнул я матери, увлекая ее к окну.

— Наш. Заходит на посадку.

Не успел я возразить, как гул авиационных моторов самолетов с аэродрома перебила длинная пулеметная очередь; явственно и звонко пули зацокали по черепичным крышам. На самолете отчетливо видны черные кресты на крыльях и зловещая фашистская свастика на хвосте. Продолжая стрелять, самолет прошел над городком и скрылся за лесом.

Бросив завтрак и увернувшись от матери, я высочил на улицу.

Немецкий самолет не заставил себя долго ждать и вскоре на бреющем полете снова высочил из-за леса. И, выходя точно на аэродром, снова открыл стрельбу. В ответ слышались редкие слабые хлопки: кое-кто пытался стрелять в него из личного оружия. Но вдруг, перебивая ровную немецкую очередь, длинно заработал наш крупнокалиберный пулемет. Несколько секунд они работали почти синхронно, выводя страшную и еще непривычную нам мелодию войны. Немецкий бомбардировщик уже уходил от аэродрома, когда за хвостом у него пыхнули один, второй, третий шары светлого дыма. И уже над лесом он зачадил, затем — задымил и, оставляя за собой черный шлейф, скрылся, заволакивая кромку леса черным дымным полотном.

На большой скорости с аэродрома высочила полугорка с вооруженными крас-

ноармейцами и помчалась в сторону железнодорожной станции Энгельгардтовская на поиски сбитого самолета.

В маленьком гарнизоне тайна долго не держится. Стало известно, что немецкий «Юнкерс-88» сбил пулеметной очередью с турельной установки с земли командир эскадрильи капитан Гастелло. Вскоре к нам забежала соседка и поинтересовалась, как себя чувствует Николай, ведь он сбил немца.

— Ничего не знаю, — недоумевая, с тревогой в голосе сказала мать. — Коля с полетов еще не приходил...

— Сбил, сбил, — заверила соседка, мои забежал домой на минутку и сказал.

Сбитый немецкий экипаж взяли в плен, привезли на аэродром, чего, к сожалению, мне увидеть не удалось. Подбитый «Юнкере» сел на вынужденную посадку на колхозное поле за лесом. Немцы сбросили с подводы крестьянина, проезжавшего с больной женой, решив таким образом добраться до леса. Тут их и окружили красноармейцы с подоспевшей полугорки. Командиром подбитого экипажа оказался немецкий подполковник, награжденный тремя Железными крестами... Он долго не мог прийти в себя, не веря, что сбит на третий день войны, победно пролетев до этого пол-Европы. Он все удивлялся такому обороту дела.

— Я много летал над Францией, Бельгией, Голландией, Норвегией. Стоило там появиться немецкому самолету, как все разбегались. А ваши летчики даже с земли ведут огонь за нас... Непонятная страна, непонятная война...

Немцев срочно отправили в Москву. К вечеру трактор приволок за хвост на край аэродрома обгоревший немецкий «Юнкере». Через несколько дней в газете «Правда» впервые появилась фотография немецкого «Юнкерса», сбитого над нашим аэродромом.

Отец пришел домой поздно после тяжелых полетов и, судя по всему, не собирался ничего рассказывать...

— Коля, Расскажи. — попросила мать, и глаза ее наполнились слезами.

— О чем? — отец устало поднял голову.

— Что произошло на аэродроме?

— Об этом! — отец сжал губы, у него на скулах заиграли желваки. — Наглец! Огромный аэродром, а он в одиночку, нахал, прет, бьет из пулемета... Я находился около самолета и заскочил в кабину стрелка-радиста, пулемет был заряжен... При первом проходе не успел, при втором встретил. — Отец помолчал. — Ты знаешь. Аня. я бью, а мне навстречу огненные жгуты летят, такая злость навалилась, помню, что вслух ругался... Он мне всю правую плоскость самолета изрешетил.

Мать снова заплакала.

— Не плачь, Аня, — жестко сказал отец. — Сейчас нельзя плакать, надо их заставить плакать. — Отец нахмурился. — Из-за этого гада сегодня целый день ремонтировали самолет.

На следующий день 207-й авиаполк снова вылетел на боевое задание. Полк должен был бомбардировать мотомеханизированные войска противника, двигающиеся в восточном направлении в районе западнее от Пружан и Кобрина. В месте бомбометания полк попал под плотный зенитный огонь, чуть позднее навалилось еще несколько десятков истребителей противника. Полк точно отбомбился, но потерял 12 самолетов.

Машина командира эскадрильи капитана Гастелло была подбита, тяжело ранен штурман эскадрильи. Один мотор выведен из строя, повреждена бензосистема. механизм шасси. Экипажу по радио предложили покинуть самолет. Но командир знал, что тяжело раненный штурман не сможет воспользоваться парашютом. Ради спасения собственной жизни оставить боевого товарища? С огромным трудом отец дотянул самолет до аэродрома и совершил посадку.

25 июня отец пришел поздно после полетов, с порога сказал:

— Аня, собирайся, завтра утром эвакуация, очередь нашей эскадрильи.

— Коля, как же так. — пыталась возразить мать заплавав. — Коля, без тебя я не поеду.

— Аня, что ты говоришь, так надо, за меня не беспокойся.

Меня поразило потемневшее лицо отца, его усталые, слегка заторможенные движения и сухой блеск воспаленных глаз. Чувствовалось, что он безумно устал. Закончив сборы, запол-

нив два чемодана, он встал и ероша бобрик сказал:

— Все, Аня, иду спать, рано утром полеты. Прошу тебя, поезжай к моим в Москву, тогда я буду спокоен...

Он обнял меня, больно и резко прижал к металлическим пуговицам на гимнастерке, так мы стояли несколько мгновений... Так же резко он отпустил меня и, не оборачиваясь, пошел в другую комнату. Я смотрел ему вслед, не предполагая, что вижу его последний раз в жизни.

Пятый — последний для отца день войны — 26 июня 1941 года выдался по-летнему теплым, безоблачным и ясным. В квартире стояла напряженная тишина, непривычно молчал и аэродром. Похоже, все самолеты ушли на боевое задание. Мать с заплаканными глазами сидела на кухне и кусая губы смотрела в окно.

— Иди, сынуля, — сказала она, — давай завтракать.

Мы перекусили, я посмотрел в последний раз на свой любимый велосипед, стоящий в прихожей, и мы спустились вниз, волоча чемоданы. У подъезда несколько семей уже ожидали машины. Ждать пришлось долго, несколько часов. Наконец, машины появились. Возможно, ожидался воздушный налет, и потому нас очень торопили. Знакомый комендант охрипшим голосом кричал: "Быстрее, быстрее, поехали...". Машины, собранные в колонну, выехали из городка, и спустя минут десять после нашего отъезда, вдали послышались глухие взрывы и, застилая дальний горизонт, пополнили темные мрачные тучи. Женщины запричитали, слышались рыдания.

Мы ехали, не зная, что в эти минуты Николай Францевич, возможно, уходил из жизни, оставаясь только в памяти и навсегда глухой болью в сердце. Похоже, мать что-то предчувствовала; комкая насквозь промокший носовой платок, она безудержно плакала, и слезы, перемешанные с дорожной пылью, накладывали на ее лицо неровный серый печальный грим.

К 26 июня серьезная угроза нависла над столицей Белоруссии Минском. Танковая лавина группы армий «Центр» быстро продвигалась к городу. Необходимо было остановить, задержать продвижение войск противника... 3-й дальнебомбардировочный авиационный корпус в течение дня наносил удары по войскам противника в районе Радошковичи — Молодечно. Немногочисленный по своему составу 207-й

авиаполк, входящий в состав корпуса, выполнял в тот день второй боевой вылет. В воздух поднялось звено в составе двух самолетов... В экипаж Николая Гастелло входили штурман лейтенант Анатолий Бурденюк, заменивший тяжело раненного штурмана эскадрильи, стрелок-радист сержант Алексей Калинин и подсевший в последний момент в качестве нижнего люкового стрелка адъютант эскадрильи лейтенант Григорий Скоробогатый. К сожалению, о втором экипаже известно только, что пилотировал самолет старший лейтенант Федор Воробьев, а в качестве штурмана с ним летел лейтенант Анатолий Рыбас. Шли на высоте 1000 метров. Через час с небольшим полета звено обнаружил южнее Радошковичи большую вражескую моторизованную колонну. Тут и произошло звено свой бомбовый удар по целям, прикрытым мощными зенитными средствами.

После выполнения боевого задания на аэродром базирования Боровское вернулся лишь бомбардировщик старшего лейтенанта Воробьева. Он со своим штурманом лейтенантом Рыбасом и подал рапорт по команде с описанием подвига экипажа капитана Гастелло.

Они видели и подтвердили, как объятый пламенем самолет капитана Гастелло врезался во вражескую колонну мотобронетехники, и мощный взрыв потряс скопление вражеской бронетехники, огненный смерч перекинулся на другие танки противника.

После возвращения экипажей с задания на аэродроме Боровское был митинг, на котором выступил заместитель командира эскадрильи Федор Кузьмич Воробьев. Он кратко рассказал обо всем, что видел в том полете, и в заключение сказал «Не стало Николая Гастелло, Толи Бурденюка, Гриши Скоробогатого, Леша Калинина, не стало других наших боевых товарищей. Все мы их знаем, помним, какие это были ребята и замечательные воины. Нам нужно гордиться ими. Нам нужно мстить за них врагу. И мы отомстим!».

В соответствии с архивными документами печально сложились судьбы Федора Воробьева и Анатолия Рыбаса. 23 августа старший лейтенант Воробьев при возвращении с боевого задания погиб в районе города Орла. Дольше удалось повоевать штурману А.В.Рыбасу. 4 октября его самолет атакуют два «Мессершмитта». Пилот С.Г.Орел и стрелок-радист Я.П.Баранюк погибают. Рыбасу удалось выпрыгнуть из горя-

щего самолета. Еще почти полтора месяца штурман А.В.Рыбас бесстрашно летает на боевые задания. Но 15 ноября 1941 года «Мессершмитты» снова поджигают его самолет. В этот раз спасаются, выпрыгнув с парашютом, пилот и стрелок-радист, а штурман А.В.Рыбас погибает. Так ушли из жизни последние очевидцы памятного боя 26 июня 1941 года.

6 июля 1941 года из сообщения Совинформбюро, переданного по радио, вся страна узнала об огненном таране моего отца, а 26 июля капитану Гастелло было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Прошли годы. Страна вспомнила и о других членах бессмертного экипажа. Лейтенанты А.Бурденюк и Г.Скоробогатый, сержант А.Калинин в 1958 году были посмертно награждены орденами Великой Отечественной войны I степени.

Легендарный экипаж разделил судьбу миллионов патриотов — защитников Родины. Они пали смертью храбрых, ценою своей жизни нанесли урон немецко-фашистским захватчикам и внесли свою лепту в общую победу народа в Великой Отечественной войне.

На развилке шоссе Молодечно — Радошковичи на месте гибели экипажа отца высится огромная стела-памятник. Здесь перед «безумством храбрых» склоняем мы головы.

На снимке: Николай Гастелло незадолго до начала войны. Фото из семейного архива Виктора Гастелло.